

В. И. Кузнецов

ПРЕВРАТНОСТИ ТВОРЧЕСТВА АКАДЕМИКА В. Н. ИПАТЬЕВА

Говорят, что в жизни всякое может случиться. И все же трудно представить себе случай, когда не только из истории, но даже из памяти с корнем — беспелляционно и бессердечно — вырывается все то, что связано с именем человека, который все-таки жил, действовал и оставил после себя недюжинные результаты труда и таланта, признанные обществом материальные и духовные ценности.

Извлечения из двух забытых документов

Передо мной относительно небольшая, в коленкоровом переплете книга, которая дорога мне хотя бы уже тем, что я получил ее из рук А. В. Ипатьевой в 1958 г., за несколько дней до кончины этой многострадальной женщины. Дочь невозвращенца, лишенного прав советского гражданства, перенесшая с 1937 г. множество невзгод, Анна Владимировна высказала тогда надежду, что мне как историку химии рано или поздно, может быть, удастся использовать, в частности, и эту книгу в моих намерениях восстановить доброе имя ее отца. Книга была подготовлена в 1927 г. Научно-техническим управлением ВСНХ СССР к 60-летию академика В. Н. Ипатьева. Теперь ее невозможно найти в библиотеках: в 1937 г. она была выброшена с книжных полок вместе с другими запрещенными изданиями.

Из этой книги можно узнать, что Владимир Николаевич Ипатьев был основоположником учения о катализе при высоких температурах и давлениях, ставшего научной основой промышленного органического синтеза. За достижения в этой области он был в 1914 г. избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, а в 1916 г. — академиком. В ней можно прочесть о том, что этот ученый в годы первой мировой войны явился организатором сернокислотной и коксобензолной промышленности в России, а когда «кончилась война и началась демобилизация промышленности, он оказался первым химиком-академиком, призванным к этой работе... стал бессменным председателем Технического совета химической промышленности», на которого были возложены все вопросы новых производств и нового строительства. «След Владимира Николаевича в русской химической промышленности очень глубок, — говорится в книге. — Эта промышленность впишет имя Владимира Николаевича И п а т ь е в а в свою историю чрезвычайно крупными буквами». ¹ (Курсив мой, разрядка автора статьи профессора В. П. Кравца. — В. К.). В той же книге сказано, что Ипатьев в 1919—1927 гг. осуществил 28 научных исследований, результаты которых сразу же были использованы в промышленности, опубликовал 12 книг

и популярных брошюр (например, «Производство аммиака», 1920 г.; «Наука и промышленность на Западе и в России», 1923 г.; «Положение и задачи советской химической промышленности», 1925 г.), часть из которых послужила В. И. Ленину основанием для соответствующих распоряжений. Недаром В. И. Ленин еще в 1922 г. назвал В. Н. Ипатьева «главой нашей химической промышленности». ² Наконец, в той же книге помещены статьи о научных заслугах Ипатьева таких выдающихся химиков, как Н. Д. Зелинский, А. Е. Чичибабин, Е. И. Шпитальский, Л. Ф. Фокин (СССР), Р. Вильштеттер, Г. Бредиг, К. Фаянс (Германия), К. Матиньон (Франция). В нее включены 73 приветствия от заводов и государственных учреждений нашей страны (в том числе от Реввоенсовета СССР, К. Ворошилова), 88 приветствий от исследовательских институтов и вузов и 120 приветствий от научных учреждений восемнадцати стран Запада.

Но наступил 1937 год. Нет, В. Н. Ипатьев не был арестован. Он остался жив и продолжил свою научную деятельность. Случилось это чудо сохранения потому, что приготовленный для него капкан — так же как, например, для Ф. Раскольникова — оказался пустым: зная об этом капкане, он не возвратился из очередной заграничной командировки на Родину. Кстати, Ф. Раскольников в своем обвинительном письме Сталину пишет именно об этой причине невозвращения также и Ипатьева.

Недавно я решил ознакомиться еще с другим документом — с протоколом Общего собрания Академии наук СССР, исключившего В. Н. Ипатьева и А. Е. Чичибабина из Академии. Это собрание происходило с 23 по 29 декабря 1936 г. Началось оно с акта, который только что входил тогда в моду, — с «единодушно принятого предложения послать приветствие товарищу И. В. Сталину». На собрании присутствовали, в частности, академики А. А. Байков, Н. И. Вавилов, С. И. Вавилов, Н. Д. Зелинский, А. Ф. Иоффе, В. А. Кистяковский, Д. Н. Прянишников, А. Е. Фаворский и др.; отсутствовали И. П. Бардин, Н. И. Бухарин, А. В. Винтер, Г. О. Графтио, Н. П. Горбунов, Н. Я. Демьянов, Н. С. Курнаков, Л. В. Писаржевский и А. А. Богомолец. Я думаю, читателю понятно, с какой целью я привожу здесь имена некоторых академиков. Одним из них по болезни посчастливилось избежать присутствия на собрании и, следовательно, голосования за исключение из своих рядов двух «предателей Родины». А другие — присутствовавшие — сочли возможным все-таки воздержаться от поднятия руки за исключение из Академии своих всеми уважаемых коллег. Я не придумываю такую характеристику настроений названных здесь академиков. Мне рассказывал о ней в 1954—1955 гг. И. П. Бардин, с которым я почти ежедневно общался по работе в Президиуме АН СССР и у него дома и неоднократно разговаривал на интересовавшую меня тему об Ипатьеве.

В приветствии, которое было направлено Общим собранием Академии наук Сталину, адресат был назван великим, горячо любимым учителем и другом, «под мудрым, гениальным руководством» которого академики были «счастливы работать и творить в... свободной, социалистической стране». ³

Закончилось же собрание обсуждением двух вопросов порознь: «О лишении А. Е. Чичибабина звания действительного члена Академии наук СССР» и то же самое — В. Н. Ипатьева. ⁴ Собственно, никакого обсуждения ни одного из этих двух вопросов не было. Академиком А. Е. Ферсманом была оглашена «переписка», которую Академия в течение длительного времени вела с академиками В. Н. Ипатьевым и А. Е. Чичибабиным по вопросу о возвращении их на работу в Академию наук». Были зачитаны их ответы. А. Е. Чичибабин сообщал, что он отказывается возвратиться из Франции в СССР, «ссылаясь на то, что Академия наук не предоставит ему необходимых условий дальнейшей работы», а В. Н. Ипатьев «мотивировал свой отказ возвратиться тем, что он связан контактом с частной коммерческой иностранной фирмой, директора которой категорически возражают против его поездки в СССР».

«Ответы В. Н. Ипатьева и А. Е. Чичибабина, — как записано в протоколе, —

вызвали негодование у целого ряда организаций и у огромного числа научных работников». Кто из присутствовавших произнес эту фразу и чем она была мотивирована, из протокола понять невозможно.

«После сообщения академика А. Е. Ферсмана, — говорится далее в протоколе, — было предоставлено слово проф. В. В. Ипатьеву, который от своего имени и от имени своей сестры выразил возмущение поступком своего отца В. Н. Ипатьева и заявил, что он считает действия В. Н. Ипатьева и А. Е. Чичибабина совершенно недостойными звания действительного члена Академии наук СССР и несовместимыми с достоинством советского гражданина».⁵

Ввиду того что В. Н. Ипатьев и А. Е. Чичибабин вскоре были лишены гражданства СССР будто бы по настоянию Академии наук, это заявление В. В. Ипатьева, кажется, было единственным, исходившим от Академии, определившим столь жестокий приговор.

Здесь следует заметить, однако, что вряд ли В. В. Ипатьев сделал это заявление искренне. Скорее он прибегнул к нему как превентивному акту против надвигавшейся на него лично угрозы. Вскоре В. В. Ипатьев был арестован. Мнение же его сестры, Анны Владимировны, как она мне сама об этом говорила, никогда не было направлено против решения отца воздержаться от возвращения в СССР. Анна Владимировна еще в 1930 г. знала намерения ее отца и матери остаться *до поры до времени* за границей, чтобы избежать ареста или еще более опасных последствий.

Других выступлений на Общем собрании Академии наук по вопросу об отказе А. Е. Чичибабина и В. Н. Ипатьева возвратиться в СССР не было. А. Е. Ферсман огласил заранее составленные проекты двух постановлений об исключении этих ученых из числа действительных членов Академии, которые были приняты 63 голосами «за» при 6 воздержавшихся. Кто персонально входил в эту шестерку, гадать не стоит. Академик И. П. Бардин называл мне некоторые из этих имен, но так как сам он на собрании отсутствовал, за точность своей информации он не ручался. Приведенные же выше имена присутствовавших академиков говорят сами за себя.

Основательны ли причины невозвращения?

По словам самого В. Н. Ипатьева,⁶ главной причиной его опасений быть арестованным и погибнуть в лагерях или в тюрьме была общая обстановка в стране, сложившаяся после смерти В. И. Ленина, но в особенности в 1928—1929 гг. Внешне она проявлялась, по его представлениям, в грубом оттеснении близких Ленину партийных и государственных руководителей — интеллигентов — и в замене их на различных постах в СНК и ВСНХ СССР менее грамотными, но более изворотливыми и беспринципными людьми. Ипатьев как председатель Комиссии по демобилизации промышленности, как член коллегии Госплана СССР и Президиума ВСНХ СССР при жизни Ленина имел постоянные рабочие контакты с Л. Д. Троцким, Н. И. Подвойским, Г. М. Кржижановским, Н. П. Горбуновым. Но уже вскоре после смерти Ленина он с тревогой замечал, как бесцеремонно перебрасывали их с высоких постов на низкие. Горбунов был лишен должности управляющего делами СНК СССР. Троцкий, с которым Ипатьев был особенно тесно связан, со всех своих высоких постов в 1925 г. был переведен на должность председателя Научно-технического отдела ВСНХ, а Ипатьев был оттеснен и назначен его заместителем. Затем Троцкого сняли и с этой должности, Ипатьева же без каких-либо причин устранили из Президиума ВСНХ, лишив права участвовать в заседаниях даже с совещательным голосом.

Ипатьев по работе был тесно связан также с теми специалистами в области энергетики и машиностроения, в частности с Л. К. Рамзиным, которые были арестованы и привлечены к ответственности по непонятному для Ипатьева «де-

лу промпартии». В конце 20-х гг. началось гонение на крупнейшего специалиста в области сельского хозяйства, директора Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики А. В. Чайнова. В свое время он, так же как и В. Н. Ипатьев, по предложению В. И. Ленина был включен в состав Госплана СССР. В июле 1930 г. Чайнов был арестован прямо на работе, в здании Президиума ВАСХНИЛа, потом был сослан в Казахстан, а в 1937 г. приговорен к расстрелу. И вообще, чем большую активность и деловитость находил Ипатьев в работе своих коллег, старых специалистов, отдавших свои знания и опыт делу восстановления и развития экономики страны в 20-е гг., тем чаще он узнавал об их внезапных арестах. Особенно поразил его арест в 1929 г. Е. И. Шпитальского — талантливого профессора, привлеченного Ипатьевым к работе по строительству химических производств, большого личного друга Владимира Николаевича.

Ипатьев пишет, что в 1927—1929 гг. он страшно переживал по поводу целой серии арестов, которая коснулась выдающихся специалистов — академиков Н. П. Лихачева, С. Ф. Платонова и Е. В. Тарле. Тогда же он узнал, что арестованы почти все инженеры-технологи, побывавшие в разное время в 20-х гг. в заграничных командировках и оказавшие большую услугу советской промышленности в деле перенятия передовой технологии. Был арестован, в частности, инженер П. М. Лукьянов, ездивший в Германию по заданию Ипатьева.

А с 1934 г. начались аресты учеников Ипатьева. Первым в 1934 г. был арестован Г. А. Разуваев (реабилитированный после смерти Сталина, ставший, в 1966 г. академиком, в 1969 г. — Героем Социалистического Труда и в 1958 г. — лауреатом Ленинской премии). Затем арестовали и вскоре расстреляли самого старшего из учеников Ипатьева — Н. А. Орлова. В своих воспоминаниях Ипатьев обращает внимание на расстрел знакомых ему инженеров Мекка, Пальчинского и Попова, незадолго до того возвратившихся в СССР из эмиграции. «Пальчинский говорил мне, — пишет Ипатьев, — что Ленин всегда был его заступником, так как очень ценил его выдающиеся инженерные способности. Будь жив Ленин, Пальчинский не погиб бы в расцвете своих интеллектуальных сил от жестокой руки ГПУ».⁷

В конце 1929 г. Ипатьев из официальных источников узнает, почему произошел столь резкий поворот в отношении к нему со стороны новых членов правительства. Ему сказали, что новое руководство ВСНХ СССР и ГПУ выражает неудовольствие тем, что он часто бывает в Германии и будто бы больше уделяет внимания работе на зарубежные фирмы, чем на нужды СССР. Он хорошо понимает, что в обстановке, поощряющей карьеризм, доносы и ложь, вся проводимая им политика укрепления экономических и научно-технических связей с зарубежными фирмами, когда-то поддержанная Лениным, Троцким, Красиным и Кржижановским, будет истолкована как политика «промпартии» или даже средство установления шпионских связей с зарубежными центрами. Поэтому у него в 1930 г. созревает твердое, хотя и крайне тяжелое для него решение — поехать вместе с женой в Германию в командировку и на лечение и до более благоприятных времен не возвращаться в СССР.

Уже в 1945 г., находясь в США, Ипатьев так описывает эти роковые годы. В 1927 г., во время очередной командировки в Германию он вместе с А. Эйнштейном как-то оказался гостем у известного ученого В. Нернста. Во время обеда «один из немецких профессоров спросил меня, почему я совсем не покину СССР и не переселюсь за границу для продолжения своих научных работ, где я найду несомненно гораздо больше удобств, чем у себя на Родине. Я в то время не имел ни малейшей мысли покинуть свою страну, так как считал, что буду в состоянии приносить ей пользу, и верил, что общими усилиями мы будем в состоянии побороть все препятствия, стоявшие на пути установления нормальных условий как для научной работы, так и для общественной жизни. Я не замедлил ответить своему собеседнику, что *я как патриот своей Родины должен остаться в ней до конца моей жизни и посвятить ей все мои силы.*

Проф. Эйнштейн слышал мой ответ и громко заявил: „Вот этот ответ профессора я вполне разделяю, так надо поступать“. И вот прошло 4—5 лет после этого разговора, и мы оба нарушили наш принцип; мы теперь эмигранты и не вернулись в свои страны по нашему персональному решению, а не потому, что были изгнаны нашими правительствами. Конечно, каждый из нас постарался объяснить свое невозвращение известными мотивами, но факт остается фактом: мы изменили нашим убеждениям и покинули свою Родину. Впоследствии я откровенно опишу все свои переживания относительно моего решения не возвращаться в течение известного времени в СССР, и, может быть, читатель найдет мои основания заслуживающими оправдания. Но у меня самого в душе до конца моей жизни останется горькое чувство: почему сложились так обстоятельства, что я все-таки принужден был остаться в чужой для меня стране, сделаться ее гражданином и работать на ее пользу в течение последних лет моей жизни?».⁸

В. Н. Ипатьев уехал из СССР в июне 1930 г. в Германию и в том же году (в частности, в связи с необходимостью оперативного вмешательства при лечении рака горла) перебрался в США, в небольшой городок Эванстон, в 40 км от Чикаго, где он стал профессором Нортвэстернского университета и консультантом фирмы «Универсал ойл продакт». В течение шести лет, до конца 1936 г., он не терял связей с СССР: направлял выполненные в США работы в советские издания, посылал в советские научные учреждения дефицитное оборудование и материалы, в 1936 г. Академией наук СССР была издана его большая книга по катализу.⁹

Все эти связи разом оборвались в 1937 г. В СССР были изъяты все печатные издания Ипатьева. Были арестованы, за исключением трех человек, все оставшиеся еще нерепрессированными его ученики, часть из которых (М. С. Немцов, Г. А. Разуваев и др.) вели работы и сделали выдающиеся открытия в тюрьмах. Научным работникам было запрещено ссылаться на работы В. Н. Ипатьева, чтобы нигде не упоминалось его имя. Даже в перечне использованной литературы вместо обычной записи, содержащей имя автора, название статьи и источник, в крайнем случае допускатась лишь ссылка на журнал.

Еще и поныне в справочниках, словарях, в «Большой советской энциклопедии» имя В. Н. Ипатьева отсутствует: не было такого! Да, что там говорить, в солидной, богато изданной книге к 70-летию Октября «Наука и техника СССР. 1917—1987. Хроника» имя Ипатьева отсутствует не только в перечне достижений, но и в списке «Персональный состав Академии наук на 25 октября (7 ноября) 1917 г.». А ведь он был избран академиком в 1916 г.

Впрочем, судьба Ипатьева в этом отношении не уникальна. В «Советском энциклопедическом словаре» 1980 г. (!) объемом 465 уч.-изд. листов нет не только Ипатьева, но и академика Бухарина. Там есть имена тренеров футбольных и хоккейных команд, но нет имен тех партийных и государственных деятелей СССР, с кем работал Ленин, его товарищей по ЦК партии, СНК, ВСНХ. Там есть имя Гитлера, но нет имен Троцкого, Зиновьева, Рыкова (есть Рыков В. Н. — 2-й секретарь ЦК КП Туркмении). Есть статьи «Троцкизм» и даже «Троцкистско-зиновьевский блок», но остается неясным, кто же был основоположником этой одиозной доктрины и этого неформального объединения.

Верность принципу в условиях великих перемен

Есть что-то парадоксальное или во всяком случае необычное, исключительное в том коренном повороте жизни В. Н. Ипатьева, который произошел за короткий отрезок времени — с 1916 по 1921 г. Еще совсем недавно, в годы первой мировой войны, генерал-лейтенант царской армии, председатель Химического комитета Главного артиллерийского управления русской армии В. Н. Ипатьев был известен в России как высокопоставленная особа, приближенная к импера-

торскому двору. Чуть ли не ежедневно он бывал с докладами по службе у военных министров Поливанова и Шувалова, у председателя Государственной думы Родзянко, у великих князей, опекающих различные службы армии, а время от времени, да еще на обедах или завтраках у самого государя Николая II. Но уже в 1918 г. он вошел в состав руководящих лиц при Советском правительстве, а в 1921 г. стал членом Президиума ВСНХ РСФСР, т. е. членом правительства Советской Республики, постоянно общаясь с А. И. Рыковым, Л. Д. Троцким, Ф. Э. Дзержинским и нередко с В. И. Лениным.

Чем объяснить такие перемены? Какие чувства сопровождали Ипатьева при этом?

Есть нечто парадоксальное и в том, что относится к мировоззрению и прежде всего к политическим убеждениям В. Н. Ипатьева. Не приняв социалистическую революцию и оставаясь приверженцем конституционной монархии, Ипатьев тем не менее искренне и твердо встал на путь сотрудничества с большевиками, решив отдать свои силы и талант Советской Республике. На все предложения, исходящие после 1917 г. от его прежних коллег-генералов и посланцев с Запада (а их было немало), о сотрудничестве с контрреволюцией, о вступлении в белую гвардию или выезде из России он отвечал категорическим отказом.

Чем объяснить такой компромисс? Отказом от принципов?

По-своему парадоксальной является оценка поведения В. Н. Ипатьева, которая исходила от самых близких для него людей. У Ипатьева было три сына и дочь. Старший сын, Дмитрий, погиб в 1916 г. на фронте в боях под Вильно. Средний сын, Николай, пошел в белую гвардию, вместе с белогвардейцами покинул Россию и при первой встрече с отцом за границей не подал ему руки как «продавшемуся Советам». Младший сын, Владимир, вынес отцу приговор 29 декабря 1936 г. на собрании Академии наук как невозвращенцу, отказавшемуся от Родины, недостойному быть ее гражданином.

Как должен был реагировать В. Н. Ипатьев на такое отношение к себе со стороны сыновей? Разве это не трагедия судьбы?

И, наконец, нельзя считать безмятежной жизнь Ипатьева в США. Парадоксальность ситуации там состояла в том, что, с одной стороны, он обладал полной свободой в материальном отношении, имея избыток средств, он был окружен вниманием любящих его сотрудников, с другой же стороны, на него давила тяжесть отрыва от Родины и семьи, угнетало сознание не исполненного перед ней долга, он тяжело переживал разрыв с сыновьями, а главное, за судьбы сыновей.

Чем мог компенсировать В. Н. Ипатьев все эти утраты?

Ответы на большинство этих вопросов дает сам Ипатьев в своей уже цитированной выше книге, которую можно считать его исповедью перед самим собой, перед детьми и внуками, перед Родиной. Суть ответов на поставленные вопросы — в беспредельной любви к отечеству, в желании работать на благо и во славу его, в уверенности в своих силах и возможностях, критерием чего являются уже выданные им на-гора революционизирующие научные открытия и их материализация в химическом производстве.

Что касается отношения Ипатьева к дореволюционным порядкам, то оно было лояльным, но отнюдь не таким уж ортодоксальным. После одного из визитов к царю в 1916 г. Ипатьев писал: «Николай 2-й произвел на меня в высокой степени располагающее к себе впечатление своей обходительностью и простотой, но в моей душе осталось чувство не то сожаления, не то боязни, что он, не понимая обстановки, создавшейся в тылу и на театре военных действий, не в состоянии вывести страну из тяжелого положения, в которое она попала вследствие неудачной политики всего его царствования... Воздействие темных сил (имеются в виду главным образом Распутин и связанные с ним дельцы, в том числе министры.— В. К.) на царицу Александру Федоровну и ее громадное влия-

ние на царя... непрестанно толкали страну к гибели, а он этого не понимал и вследствие слабости своего характера не мог предотвратить печальные последствия». ¹⁰ Ипатьев крайне резко характеризует самодержавие в его конкретных проявлениях в России до 1917 г.: «Хотя царь и говорил, что он любит народ, что он готов все для него сделать, а между тем самый важный... земельный вопрос не получил благоприятного для земледельцев разрешения... Царь стал на сторону помещиков, а не на сторону народа и тем показал, кого он более любит». ¹¹ Ипатьев назвал войну с Германией 1914—1918 гг. насилием над народом, бездумной затеей самодержавия: «Русский народ более чем какой-либо другой не хотел войны... и не понимал, зачем Россия вступила в войну», зачем она несет бесчисленные жертвы. Хозяйство страны приходило из-за этого в упадок. «Продолжение войны угрожало полным развалом государства и вызвало крайнее раздражение во всех слоях населения». ¹²

«Я с самых моих юных лет, — говорит Ипатьев, — ненавидел всякое насилие и издевательство и никогда не был приверженцем самодержавия. Мне всегда представлялось, что конституционная монархия для России являлась бы наилучшим образом правления». ¹³ Правда, в условиях, сложившихся к февралю 1917 г., Ипатьев считал единственным, что могло бы отвечать интересам народа, «это объявить в России республику». Но Февральская революция не принесла того, чего ожидал народ, — мира и земли крестьянам.

«Наоборот, большевики, руководимые Лениным, — продолжает Ипатьев, — своим лейтмотивом взяли требования окончания войны и реальной помощи беднейшим крестьянам и рабочим за счет буржуазии... Надо удивляться талантливой способности Ленина верно оценить сложившуюся конъюнктуру и с поразительной смелостью выдвинуть указанные лозунги, которым ни одна из существовавших политических партий в то время не могла ничего противопоставить... Такого благоприятного момента для поворота руля правления страны на 180 градусов история никогда не знала...

Можно было совершенно не соглашаться с многими идеями большевиков. Можно было считать их лозунги за утопию (как это и подтвердил впоследствии жизненный опыт ¹⁴), *но надо быть беспристрастным и признать, что переход власти в руки пролетариата в октябре 1917 г., проведенный Лениным и Троцким, обусловил собою спасение страны, избавив ее от анархии и сохранив в то время в живых интеллигенцию и материальные богатства страны* (курсив мой. — В. К.) ¹⁵

Вот это и есть ответ на первые два вопроса о том, почему царский генерал вместо кителя с погонами надел гимнастерку с ромбами в петлицах и совершенно добровольно, нисколько не поступившись своими принципами, по долгу патриота включился в строительство новой жизни вместе с большевиками. Вот почему в сентябре 1921 г. на предложение бывшего полковника генштаба Дессино возглавить движение за освобождение России от большевиков Ипатьев ответил, что «в жизни меня всегда интересовала только наука... Что же касается намеков на мою пригодность для новой роли спасителя страны, то я считаю необходимым честно выполнять ту работу, которая возложена на меня новой властью, и совершенно не имею желаний бороться с ней тайным образом, так как это не свойственно моей натуре». ¹⁶

Ответить словами самого же Ипатьева на третий вопрос — о том, как он воспринял отречение от него двух своих сыновей, к тому же находившихся между собой в идейном антагонизме, труднее. По этому вопросу у него нет прямых суждений. Конечно, для него это была глубокая душевная травма. И она была тем более тяжелой, что Владимир Николаевич знал об аресте младшего сына, Владимира. Он узнал, что сын Николай глубоко переживал разрыв со всей семьей, впал в мистицизм и впоследствии погиб в Африке при испытании открытого им средства против желтой лихорадки. Мучительно переносил Владимир Николаевич также и разлуку с дочерью, зная о ее жизни в объятиях страха. Но... как будто и в бурях есть покой!

«Несмотря на всякого рода переживания и невзгоды, без которых не может обойтись ни одна человеческая жизнь, — пишет Ипатьев, — я должен, однако, признать, что моя жизнь сложилась очень благоприятно как для научной деятельности, так и для частной жизни».¹⁷ Дети с самого раннего возраста доставляли родителям только радости. «Огорчения пришли, когда они приступили к самостоятельной работе». Николаю отец прощает принесенные огорчения, объясняя их его религиозным фанатизмом и связями с реакционными кругами, под влияние которых он попал. Владимира же он вообще не упрекает, оправдывая его поведение условиями сталинского террора.

На вопрос о том, чем компенсировал В. Н. Ипатьев утрату Родины, семьи и тех огромных возможностей принести пользу отечеству, которые он отдал чужой стране, ответить еще сложнее. Это вообще самый трудный и самый острый вопрос. Высокие доходы и прочие материальные блага, которые он получал от университета и фирмы за свой труд, скорее обостряли душевное состояние, чем успокаивали. Пышные торжественные юбилеи, устраиваемые в его честь учениками в целях отвлечения от тяжелых воспоминаний, были весьма трогательны, но вместе с каким-то утешением вызывали и озабоченность за судьбы его учеников на Родине.

Для того чтобы понять состояние души Ипатьева во время его жизни в США, надо непосредственно с нею соприкоснуться. Мне не удалось это самому, потому что я начал изучать его жизнь и деятельность в 1952 г., когда она только что оборвалась. Но мне довелось побывать в Эванстоне и Чикаго в 1967 г. и там познакомиться с обстановкой, в которой жил и работал Владимир Николаевич, поговорить с теми, кто знал все тонкости его жизни, и таким образом более или менее отчетливо представить себе, чем он дышал.

Меня принял в Эванстоне, в Лаборатории химии высоких давлений и температур им. В. Н. Ипатьева профессор Герман Пайнс — самый близкий из учеников, друг и душеприказчик Владимира Николаевича. Принял сухо, с явной неприязнью и упреками.

— Вы, русские, совсем не представляете себе, кого потеряли в лице В. Н. Ипатьева, не понимаете даже, кем был Ипатьев, — заявил Пайнс. — Каждый час своей жизни здесь, в США, каждый шаг в своей научной деятельности он отдавал России. Беспредельная любовь к Родине, какой я никогда и ни у кого из эмигрантов не видел, была той почвой, на которой произрастали все выдающиеся результаты его научной деятельности.

Мы, его ученики, — продолжал Пайнс, — приобрели или построили для себя здесь, на берегу озера Мичиган, хорошие коттеджи. Владимир Николаевич не захотел иметь собственный дом. Он считал себя иностранцем и 22 года (!) жил, снимая номер в гостинице, в Чикаго.

Каждый из нас имел свою автомашину. Он же отказался от этого «акта оседлости» и пользовался казенным транспортом. Почти все обзавелись собственными яхтами, зачастую двухпалубными, для прогулок по озеру Мичиган. Владимир Николаевич отказался и от этого. Жил он довольно замкнуто, охотно общаясь с близкими ему людьми; с удовольствием встречался с Рахманиновым. Он жил Россией, а русские платили ему нарочитым забвением. Я особенно возмущен поведением руководства Академии наук СССР, — сказал Пайнс. — На 100-летие со дня рождения Ипатьева в июне 1967 г. мы пригласили пять ученых из СССР, выделили для оплаты их дороги в США и обратно и их пребывания здесь средства. Мне известно, что люди хотели приехать к нам, но их не пустили. Это вызвало негодование у гостей из Франции, Германии, Англии.

— А что Вы на это скажете?

А я ничего на это не мог сказать, потому что мне было непонятно беспочвенное замалчивание научных успехов Ипатьева у нас в стране. Я мог бы добавить к этому только то, что произошло с юбилейным изданием о развитии науки и техники в СССР с 1917 по 1967 гг. В книге, посвященной успехам органической

химии, я написал статью о вкладе в эту науку Ипатьева и решил дать наряду с портретами других крупных химиков и его портрет. Когда книга была уже набрана, мне вдруг предложили снять портрет Ипатьева.

Да, Пайнс был прав. Чем более популярным в научном мире становился В. Н. Ипатьев в результате своей плодотворной исследовательской деятельности, тем активнее его имя вытравлялось из научной документации у нас в стране. Обо всем этом сам Ипатьев был хорошо осведомлен. Но и эти превратности судьбы не изменили его принципов: он остался верным своей Родине и своему народу.

Мы и сегодня идем по пути, проложенному Ипатьевым

Расстались мы с Г. Пайнсом друзьями. Он тотчас изменил свое негативное мнение о всех русских в их отношении к Ипатьеву, получив от меня в подарок две 30-листовые книги, освещающие историю учения о катализе.¹⁸ В каждой из этих книг первые главы были посвящены детальному описанию вклада Ипатьева в химию. Со своей стороны он подарил мне два тома воспоминаний «Жизни одного химика».

Ипатьев заинтересовал меня, по крайней мере первоначально, лишь с одной стороны. Он принадлежал к тем очень немногим ученым, которые сочетают в себе качества теоретика самого высокого класса и экспериментатора или даже инженера, способного уже завтра начинать строить завод по открытому им сегодня новому технологическому методу. Среди химиков таких исследователей история может назвать с десяток, не более. К ним безусловно принадлежит А. Лавуазье, совершивший переворот в химии и заложивший основы многих отраслей химической промышленности. Сюда же относятся, например, А. Муассан, Ф. Габер, Н. Н. Семенов. Изучение научного творчества этих химиков дает многое для решения вопросов о соотношении фундаментальных и прикладных исследований, о выборе приоритетов. В конечном итоге оно приводит к убеждению о большей практической ценности исследований, вытекающих из теорий высокой степени общности и эвристичности, чем прикладных работ. Не вдаваясь в детали, этот вывод я хотел бы проиллюстрировать на примере коренных преобразований промышленности синтетического каучука, вызванных успехами химии высоких давлений и температур, одним из основоположников которой был Ипатьев.

В 20-х гг., когда наша страна остро нуждалась в резине для создаваемой авто- и авиапромышленности и ей было отказано в импорте каучука, советские химики добились небывалого успеха: академик С. В. Лебедев открыл способ синтеза искусственного каучука. Это был триумф отечественной органической химии, базировавшейся в то время на классической теории химического строения А. М. Бутлерова и серии исследований А. Е. Фаворского, В. Н. Ипатьева и их учеников. Уже в начале 30-х гг. в СССР вошли в строй четыре завода синтетического каучука по методу Лебедева. Мир такого успеха не знал! Но... производимый этим методом синтетический каучук был буквально золотым, он обходился невероятно дорого. Из миллионов тонн картофеля, свеклы и зерна сначала вырабатывали этиловый спирт, из спирта с 28%-ным выходом получали мономер — дивинил, а из него уже каучук. В процессе производства синтетического каучука (вместе с тружениками сельского хозяйства) участвовало около 200 тыс. человек.

Но уже с 50-х гг. тот же дивинил стали производить каталитическими способами при высоких давлениях и температурах из... низших сортов нефти. Это позволило нацело исключить из производства пищевое сырье и сократить трудовые затраты всего до 5—7 тыс. человек! Теперь же оказывается, что и такая интенсификация производства синтетического каучука — не предел. Химия

высоких температур, пионером которой был Ипатьев, ныне позволяет осуществлять процесс производства мономеров синтетического каучука всего-навсего в 2—3—5 реакторах объемом каждый до 15 л, т. е. в ближайшие годы в этом производстве будут заняты уже не сотни тысяч тружеников, не тысячи, а только единицы.

Химия высоких давлений и температур обещает нам дать конструкционную металлокерамику, более прочную, жаростойкую, легкую и во много раз более дешевую, чем металл. Она уже дала нам искусственные алмазы и сверхтвердый материал — боразол. Ее возможности простираются в технологию нанесения покрытий, модификацию всевозможных полимеров, в производство связанного азота. Конечно, все это — результаты трудов уже не самого Ипатьева и его учеников, а новых поколений химиков, одни из которых некогда встретили химию высоких энергий в штывки, а другие пошли по линии ее развития — по пути, намеченному В. Н. Ипатьевым еще в самом начале уходящего XX века.

В. Н. Ипатьев не может быть забыт. Мы идем от заложенного им фундамента химии высоких энергий к его мечте — широчайшим горизонтам этой науки.

Примечания

¹ К 35-летию научной деятельности академика В. Н. Ипатьева. Л., 1929. С. 35—36.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 226.

³ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 7, д. 6. л. 5—6.

⁴ Там же, л. 152—153.

⁵ Там же, л. 152.

⁶ См. его воспоминания «Жизнь одного химика», т. 2 (Нью-Йорк, 1945).

⁷ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика. Т. 2. С. 485.

⁸ Там же. С. 483—484.

⁹ Ипатьев В. Н. Каталитические реакции при высоких температурах и давлениях. М.; Л., 1936.

¹⁰ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика. Т. 1. С. 524—525.

¹¹ Там же. С. 414—415.

¹² Там же. Т. 2. С. 12.

¹³ Там же. С. 15—16.

¹⁴ Ипатьев считал, что лозунги большевиков в 1917 г. были направлены на построение военного коммунизма, от которого «В. И. Ленин как наиболее умный из них уже через 3—4 года... отступил, сознавши свои политические ошибки и провозгласивши нэп (новую экономическую политику). С тех пор коммунистическая утопия мало-помалу исчезает...» (там же. С. 27).

¹⁵ Там же. С. 35—36.

¹⁶ Там же. С. 142—143.

¹⁷ Там же. Т. 1. С. XIII.

¹⁸ Кузнецов В. И. Развитие учения о катализе. М., 1964; Кузнецов В. И. Развитие каталитического органического синтеза. Л., 1964.